339673
К 85
О.Х.Л.

И. А. КРЫЛОВ

1 · 9 · 4 · 4

Издательство газеты «Коммунист»
Саратов.

И. А. КРЫЛОВ

1844—1944 г.

Иллюстрации
по рисункам А. Сапожникова

Издательство газеты «Коммунист»
Саратов 1944 г.

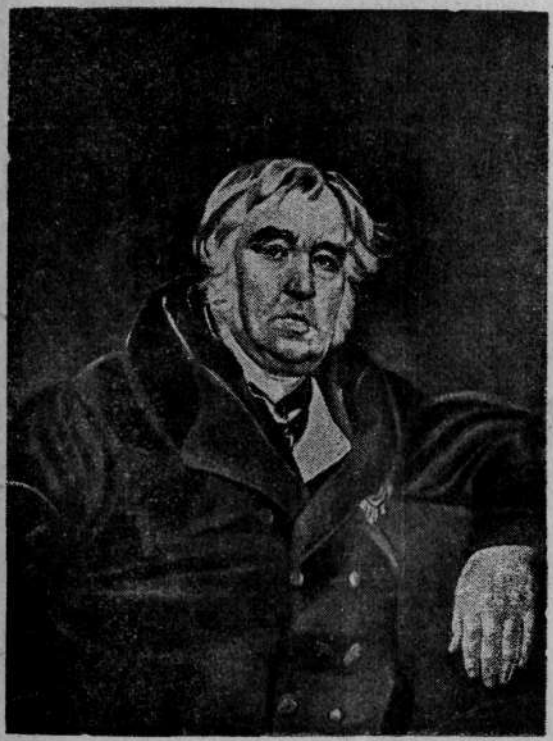
Издано по постановлению
областной комиссии по проведению
100-летия со дня смерти И. А. Крылова.

339673

Отв. за выпуск П. Желтов.

Корректор К. Заваркина.

НГ25863. 28 XII. 1944 г. Тираж 4000. Печатных лист. 3¼
Заказ № 4865. Цена 5 рублей.
Саратов. Типография издательства «Коммунист».

Д. БЛАГОЙ

Великий русский баснописец

(К столетию со дня смерти И. А. Крылова)

В истории русской литературы Крылов занимает совсем особое, единственно ему присущее место. Жизнь Крылова, родившегося на тридцать лет раньше Пушкина и пережившего его несколькими годами, как бы поделилась почти поровну между двумя столетиями. Вместе с Державиным, Радищевым и Карамзиным Крылов завершил литературное развитие XVIII века. Но, будучи одним из последних представителей литературы XVIII века, Крылов стал первым в плеяде великих наших писателей-реалистов XIX столетия. Он явился своего рода соединительным звеном золотой литературной цепи, связавшим воедино литературные традиции Ломоносова, Новикова, Фонвизина с литературой Грибоедова, Пушкина, Гоголя.

Последняя треть XVIII века, когда Крылов выступил на общественной арене, характерна значительным усилением международного авторитета и влияния России. Этому способствовали блестящие победы нашего оружия, осуществлённые под водительством крупнейших полководцев эпохи во главе с Суворовым, а также умелая деятельность русской дипломатии. Успехи на международной арене и военные победы в свою очередь вызвали подъём во всей общественной жизни страны.

В то же время обостряются социальные противоречия в «государстве помещиков и торговцев» (Сталин), усиливается классовый гнёт. С особой резкостью обострение классовых противоречий проявилось в крестьянской войне 1773—1775 годов—в восстании Пугачёва.

Национальный подъём сопровождался ростом русского искусства и русской литературы. Достаточно назвать имена таких великих русских зодчих, как Баженов и Казаков, художников, как Рокотов, Левицкий и Боровиковский, писателей, как Фонвизин и Державин. Росло и демократическое сознание общества, с особенной силой проявившееся в деятельности русских просветителей—Новикова и Радищева. Всё это сказалось на личности и творчестве Крылова.

В литературу Крылов пришёл из демократических, трудовых слоёв общества. Отец его, совершенный бедняк,

был произведён в офицеры после тринадцатилетней солдатской службы в одном из армейских пехотных полков. Впоследствии, уйдя в отставку, капитан Крылов поселился в Твери и поступил на гражданскую службу. Вскоре он умер. Вдова с двумя сыновьями осталась без всяких средств, в страшной нужде. Восьми лет отроду Крылов уже был зачислен на чиновничью службу, а затем должен был служить и фактически.

С Крыловым как бы повторилась история Ломоносова. Сам он рассказывал, что ему удавалось в это время достать книги для прочтения, за книгами проводил он дни и ночи, брал их с собой на службу. Начальник его был человек невежественный и грубый и не только бранил мальчика за «пустые и бесполезные занятия», но, застав за книгою, иногда и бивал. Как и Ломоносов, Крылов вырвался на простор. Тринадцатилетнему подканцеляристу удалось перебраться с семьёй в Петербург и устроиться канцеляристом в Казённую палату.

Все его помыслы в то время уже были обращены к литературе. Одним из первых литературных опытов четырнадцатилетнего Крылова была комическая опера «Кофейница». Пьеса, естественно, была ещё очень слаба в художественном отношении. Однако сам Крылов уже в годы своей славы замечал, что ему удалось верно зарисовать в ней «нравы эпохи». «Я списывал с натуры», — указывал он. Действительно, в пьесе било через край самое жгучее, злободневное социально-общественное содержание. В своей комической опере мальчик Крылов смело и уверенно набрасывает обличительные картины помещичьего произвола и насилия.

Вслед за «Кофейницей» он пишет одну за другой две трагедии, оперу, комедию. Ни одна из этих пьес на сцене не пошла. Тем не менее юноша Крылов смело решает бросить службу и полностью отдаться литературе. Он начинает сотрудничать в тогдашних журналах, а через некоторое время, в 1789 году, приступает к выпуску собственного периодического издания — замечательной в своём роде «Почты духов». То был год завершения Радищевым «Путешествия из Петербурга в Москву», год написания Княжниным знаменитой трагедии «Вадим Новгородский».

Литературная деятельность Крылова в этот первый период, занимающий примерно около десятилетия (1786—1796 годы), показывает исключительную одарённость молодого автора. Двадцатилетний Крылов, не получивший никакого систематического образования, никогда не учившийся в школе, оказывается на одном уровне со своим веком, обнаруживает прекрасную осведомлённость во всей западноевропейской и русской просветительной литературе,

ставит в своём творчестве, особенно в сатирической публицистике, все те проблемы, которые волновали умы наших просветителей.

Выдающимся является этот период деятельности Крылова и в чисто литературном отношении. Молодой автор словно пробует свои силы во всех литературных жанрах. Помимо драматургических произведений он создаёт самые разнообразные стихотворные произведения, прозаические повести, сатирические очерки и т. д. Однако всему, что пишет в эти годы Крылов, сколь бы ни отличались между собой его творения по форме, присуща одна общая черта, один основной тон.

Носитель передовых идей своего времени, Крылов был убеждённым и последовательным гуманистом, высоко подымавшим знамя человеческого достоинства. В одном из стихотворений этого периода молодой писатель даёт формулу своего общественного поведения:

«Чинов я пышных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб в низком важничать народе—
В прихожих ползать не ходил.
Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе—
Чин человека; — в нём лишь быть
Я ставил должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считал одной неложной славой».

Столь же возвышенно смотрел Крылов на задачи литературы, на назначение писателя. В яркой «восточной повести» «Каиб» он резко высмеивает два основных стихотворных жанра литературы XVIII века — классическую оду и сентиментальную идиллию. Явить в своём творчестве истину, показать действительность такой, как она есть,— без одических преувеличений и идиллического прикрашивания,—вот к чему стремится Крылов. Стремление это, по существу, очень близко тем задачам, которые позднее ставили перед собой наши писатели-реалисты. Не случайно в своих нападках на оды и идиллии Крылов почти полностью предвосхищает позднейшие выступления Белинского.

Критическое отношение к действительности толкало Крылова в русло одного из самых значительных течений предшествовавшей и современной ему литературы — сатирического течения, в недрах которого исподволь накапливались элементы будущего критического реализма, издавна подготовлялось так называемое «гоголевское направление».

Сатирическое течение возникло у самых истоков нашей новой, послепетровской литературы, начиная от сатир Кантемира, создавших устойчивую, проходящую через всё столетие сатирическую традицию, подхваченную и разви-

ваемую «Гимном бороде» Ломоносова, сатирами, притчами и комедиями Сумарокова, замечательной сатирической журналистикой 60-х — 70-х годов, драматургией Фонвизина, поэмами Василия Майкова, прозой Федора Эмина и Михаила Чулкова, сатирическими одами Державина, наконец, революционной книгой Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Эту почти вековую традицию продолжает молодой Крылов. Сатирическая направленность характеризует всё его творчество, ощутимо сквозит в ряде его стихотворений, резко проступает в драматургии. Но с наибольшей яркостью и блеском огромное дарование и исключительный темперамент Крылова-сатирика развернулись в его журнальной прозе, начавшейся на страницах «Почты духов» и продолжавшейся в двух других его журналах: «Зритель» (1792) и «Санктпетербургский Меркурий» (1793).

Одним из наиболее значительных и драматических эпизодов в истории русской литературы XVIII века был мгновенный расцвет и столь же быстрая гибель—в самом конце 60-х и первой половине 70-х годов—сатирической журналистики, в частности и в особенности журналов Новикова «Трутень», «Живописец» и «Кошелёк». В полемике новиковского «Трутня» с официозной «Всякой всячиной»—журналом, издававшимся под негласным руководством самой Екатерины II,—самодержавие и демократическая общественная мысль впервые резко столкнулись друг с другом. Столкновение это ознаменовалось моральной победой Новикова, горячо поддержанного читателями, и гневной реакцией со стороны императрицы, внезапно сбросившей покровы «просвещённого абсолютизма» и заговорившей языком «самовластию свойственным». В результате все три журнала Новикова один за другим были закрыты. В последующие пятнадцать лет допускалась только благонамеренная «улыбательная» сатира, не подымавшая наболевших социально-политических вопросов, не касавшаяся основных зол тогдашней действительности. Тем примечательнее смелая попытка возобновить традиции новиковской сатирической журналистики, предпринятая совсем ещё мало известным, начинающим писателем Крыловым.

В своих сатирических произведениях Крылов продолжает и развивает лучшие черты, присущие сатире Новикова,—её демократизм и яркую национально-патриотическую направленность.

В крыловских сатирических письмах, повестях, похвально-иронических речах перед читателем проносится пестрая толпа метко схваченных карикатур — всех этих знатных Припрыжкиных и Золотосоров, воспитанных гувернерами-иностранцами, обученных «трудной науке ничего не думать» и не менее «прелестной науке» — «убивать время»; светских модниц, наделённых выразительными именами:

графиня Ветрана, Всемрада, Бесстыда, Неотказа и т. д.; обезьян-петиметров, превосходно усвоивших искусство «изъясняться с аглинскими лошадьми» и мотать наследственные поместья—«превращать грубых наших крестьян» в модные наряды и безделушки; «философов по моде», гордо заявляющих, что они любят все нации, выключая своё отечество, — словом, всех тех, кто ухищряется «проносить семьдесят лет голову и не сделать из неё никакого употребления! Прожить век на скотном дворе и ограничить отличие своё от животных только тем, чтоб ходить на двух ногах! Иметь душу и не дать никому приметить, что её имеешь, или, что ещё более, самому этого не заметить!»

В своих острых шаржах-гротесках гуманист Крылов, столь дороживший «чином человека», беспощадно зарисовывает самые разнообразные и дикие формы обесчеловечения. Но он не ограничивается тем, что с уничтожающей иронией живописует обездушенный автоматизм паразитарных кругов светских бездельников и бездельниц, рьяно защищающих свои права на «наследственное невежество». В таких произведениях, как «Каиб», как бесподобная «Похвальная речь в память моему дедушке», в ряде «писем духов» сатира Крылова далеко перерастает рамки бытовой сатиры, сатиры нравов и приобретает яркое социально-политическое звучание, зачастую почти не уступая самым сильным страницам радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Некоторые современники даже прямо приписывали перу Радищева вышедшую без имени автора «Почту духов», которую они называли периодическим изданием, «самым едким» из всех, «какие только когда-нибудь осмеливались издавать в России».

Одним из излюбленных жанров крыловской сатиры является пародийная хвалебная речь, где под видом похвалы даётся самое уничтожающее изобличение. Крылов мастерски вырабатывает здесь ту словесную форму, которую с таким неподражаемым блеском использовал затем Пушкин в знаменитых статьях Феофилакта Косичкина. Эта изощрённая, ядовитая ирония, пронизывающая всякое слово сатирических писаний Крылова, и сообщает им ту предельную едкость, которая так восхищала современников.

Сатира Крылова явилась высшим взлётом в развитии сатирической линии нашей литературы XVIII века. У Крылова были, безусловно, все данные для того, чтобы стать великим сатириком.

Но время для этого было неподходящее. Журналы Крылова постигла та же судьба, что и три упомянутых журнала Новикова: все они были закрыты. Мало того, сам Крылов вынужден был не только на многие годы уйти из литературы, но и уехать из Петербурга, затеряться в провинции. Литературная деятельность Крылова почти совсем замерла. В короткое царствование Павла I условия для

литературной работы были слишком неблагоприятны. Крылов не только перестал печататься, но и почти ничего не писал в это время.

Лишь раз, в 1800 году, с замечательной яркостью и блеском снова вспыхнуло его сатирическое дарование: для любительского спектакля в доме князя Голицына Крылов написал единственный в своём роде литературный шедевр —«шуто-трагедию» «Подщипа» или «Трумф». В этом произведении литературная пародия на трескучий пафос и ходульную приподнятость трагедии эпохи классицизма сочеталась с элементами острой политической сатиры. В лице одного из основных персонажей «шуто-трагедии» — немецкого принца Трумфа — Крылов метко и зло изобразил наглых, самоуверенно-тупых немецких наёмников, пользовавшихся исключительным влиянием при павловском дворе. В то же время пьеса проникнута духом народной сатиры. Здесь уже ощутимо даёт себя чувствовать та народность, которая с такой силой проявится потом в баснях Крылова.

Подлинное возвращение Крылова в литературу, как бы второе его литературное рождение, произошло в 1806 году. Около этого времени Крылов перевёл две—три басни из Лафонтена и показал свои переводы поэту И. И. Дмитриеву, пользовавшемуся в то время репутацией крупнейшего баснописца. Дмитриев пришёл в совершенный восторг: «Это истинный ваш род, наконец, вы нашли его», — сказал он Крылову.

Действительно, литературные искания Крылова закончились. В 1806 и 1807 годах он написал ещё три пьесы, все они были поставлены на сцене и завоевали шумный успех. Тем не менее Крылов навсегда отходит от драматургии и сосредоточивается исключительно на писании басен. С появлением первых же басен Крылова имя его становится широко известным. С каждым годом популярность эта возрастает. Уже при жизни баснописца общий тираж отдельных изданий его басен достигает 77 тысяч — цифра для того времени неслыханная. В те же годы его басни переводятся на десять языков. То была подлинно народная слава и вместе с тем — всемирное признание.

Одновременно с концом литературных исканий приходит к ровному, спокойному течению жизнь Крылова, до этого полная треволнений и перемен. С 1812 года Крылов поступает в петербургскую Публичную библиотеку и на работе библиотекаря остаётся около 30 лет, почти до самой смерти, последовавшей в 1844 году. В эту пору окончательно складывается монументальный эпический облик грузно-величавого, массивного старца — «дедушки» Крылова, проницательно-лукавого мудреца, с зорким прищуром полузакрытых глаз взирающего на жизнь.

**
*

Пушкин назвал Крылова «во всех отношениях самым народным нашим поэтом». До Пушкина Крылов действительно был самым национальным нашим поэтом, в баснях которого, говоря словами Белинского, «выразилась сторона духа целого народа», «сторона жизни миллионов».

Басенный жанр привлекал к себе Крылова именно своим широчайшим демократизмом, своей общедоступностью. Когда у Крылова спросили, почему он пишет только басни, он ответил: «Этот род понятен каждому: его читают и слуги и дети». Действительно, басни — один из самых изначальных видов художественного мышления и художественного творчества. Басня теснейшим образом связана с народными пословицами и поговорками, то вырастая из «крылатого» народного выражения или слова, то, наоборот, являясь почвой, из которой такое «крылатое слово» возникает. Всё это делает басню по самой своей природе особенно народной, особенно близкой фольклору.

За шесть веков до нашей эры сложился всемирноизвестный сборник басен полулегендарного древнегреческого баснописца Эзопа. В многочисленных переложениях, подражаниях и переработках басни Эзопа обошли литературы всех народов; создалась прочная и устойчивая международная басенная традиция, продолжающаяся два с половиной тысячелетия.

Весьма значительное место занимают басни в творчестве одного из крупнейших представителей русского классицизма XVIII века — Сумарокова. После Сумарокова басня сделалась одним из наиболее популярных видов нашей поэзии XVIII века, почти не уступая в этом отношении оде. Среди русских баснописцев до Крылова особенно выдаётся Хемницер, сделавший значительный шаг вперёд в художественной разработке басни, стремившийся писать лёгким, разговорным языком, «простым слогом», лишённым и книжной витиеватости и намеренной грубости, ложно понятой «простонародности», которую придавал своим басням Сумароков. Старший современник Крылова, И. И. Дмитриев сообщил своим басням характер отвлеченных моралистических нравоучений; его басни написаны изящным языком тогдашних дворянских салонов.

Богатство русской басенной традиции, высокое мастерство русской басни бросалось в глаза и иностранным наблюдателям. Так, англичанин Боуринг, выпустивший в 1821 году в Лондоне двухтомную антологию русских поэтов в переводах на английский язык, отмечал в предисловии «исключительно высокое достоинство русских баснописцев». Наряду с Крыловым Боуринг называл имена Сумарокова, Хемницера и Дмитриева.

Один из недоброжелателей Крылова так определил эволюцию русской басни: «Сумароков нашёл басню в поле,

Хемницер привёл её в город, Дмитриев ввёл её во дворец, Крылов вывел на площадь...» На самом деле это язвительное замечание является высшей похвалой Крылову. Он действительно вывел басню из стен «дворца», из литературной гостиной, на широкие просторы народной жизни: создал басни, исполненные подлинной и глубочайшей народности. Наследник всего мирового развития басни, прошедший школу Лафонтена, органически усвоивший лучшие достижения античных, западноевропейских и русских баснописцев, Крылов максимально приблизил баенный жанр к его исконной народной основе, напитал свои басни всеми соками русской жизни. Именно это и поставило Крылова, как со всей решительностью сказал Пушкин, «выше Лафонтена».

Басни явились как бы творческим итогом, венцом всей долгой и сложной литературной работы Крылова. Замечательно претворил он в них и весь свой первоначальный творческий опыт — драматурга, сатирика, лирического поэта.

«Басни Крылова, — справедливо замечал Белинский, — не просто басни: это повесть, комедия, юмористический очерк, злая сатира, словом, что хотите, только не просто басня».

Сатира и ирония, доведённые до высшей степени художественного совершенства, действительно составляют одно из отличительнейших свойств басен Крылова. Это устанавливает прямую связь между ними и его прежней сатирической публицистикой.

Ряд тем, образов и мотивов басен Крылова непосредственно примыкает к его собственному сатирическому творчеству и ко всей предшествовавшей сатирической литературе. Так, одной из основных тем русской сатиры XVIII века было осмеяние дворянской знати, не имеющей личных заслуг, но кичащейся своим «благородным» происхождением, заслугами предков. В басне «Гуси» Крылов как бы художественно подытоживает эту традицию, мастерски сгущая её в саркастически меткую, ставшую пословицей строку-формулу: «Да наши предки Рим спасли!».

Крылов бесподобно высмеивает в своих баснях зависть, скупость, лживость, хвастовство, лесть, алчность, глупость, невежество, эгоизм. Иные его басни дают блестящие образцы бытовой сатиры, сатиры нравов. Наконец, в ряде басен Крылов восходит до сатиры политической, социальной. Политические взгляды Крылова-баснописца отличались относительной умеренностью. Но в то же время на протяжении всей жизни и творчества Крылову-баснописцу, как и Крылову-сатирику, присущ глубочайший демократизм. В столкновениях между «овцами» и «волками» — «слабыми» и «сильными», тружениками и тунеядцами, — словом, между народом и его обидчиками и угнетателями — в этом извечном конфликте классового общества,

который под разными обличьями показан в баснях Крылова,—он всегда на стороне народа, он неустанно клеймит всевозможных «воришек» и в особенности больших «воров» народного добра — хищников, которые «богаты иль когтем, иль зубком». Крылов недвусмысленно раскрывает басенные псевдонимы своих медведей, волков, лисиц, ослов, прямо указывая, кто под ними скрывается: неправосудные судьи, корыстные и продажные чиновники, наглые грабители — вельможи.

Под покровом басенного иносказания, «эзоповского языка», дававшего возможность говорить «истину вполоткрыта», Крылов неоднократно направлял остриё своей неотразимо злой и гневной иронии против самого «царя зверей» — льва, то есть против российского самодержавия. При этом в подавляющем большинстве случаев сатира Крылова носит не отвлечённый, общий характер, а напитана жгучей, животрепещущей злободневностью. Современники прямо указывали, что большая часть басен была написана Крыловым по какому-нибудь поводу или случаю. Многие из этих поводов или случаев впоследствии забылись, но совершенно несомненно, что целый ряд басен Крылова представляет собой непосредственный боевой отклик на события общественно-политической жизни, глубоко затрагивавшие его как патриота и как гражданина. В то же время Крылов, подлинный художник-реалист, обычно поднимался над частными случаями, давал в своих баснях широчайшие художественные обобщения.

Уже Герцен подчёркивал «оппозиционное значение» крыловских басен. На это же обращали внимание многие иностранные критики. Оппозиционность ряда басен, таких, как «Рыбья Пляска», «Крестьяне и Река», «Мирская сходка», «Волки и Овцы» и другие, не подлежит сомнению. Сам Крылов отмечал, что ему нередко приходилось петь в «когтях у кошки» — царской цензуры. Самую сильную политическую басню — «Пёстрые Овцы» — цензура не дала ему спеть: вся жизни Крылова басня так и не смогла появиться в печати и была опубликована лишь много лет спустя. Написанная, как и «Рыбья Пляска», незадолго до восстания декабристов, около 1823 года, басня эта действительно отличается исключительной политической остротой: царь-лев не взлюбил пёстрых овец, но хотел расправиться с ними, соблюдая видимость закона и правосудия. Ретивонеуклюжий служака-медведь предложил без дальних слов «передушить овец», но совет его был отвергнут. Вывела из затруднения лиса: она посоветовала льву отвести овечкам самые тучные луга, но приставить к ним пастухами волков; мнение лисы понравилось. В результате в львином царстве скоро стало мало не только пёстрых, но и гладких овец. Особенно красноречива концовка — «мораль» басни: «Какие ж у зверей пошли на это толки? Что лев бы и хорош, да всё злодеи волки!»

Великий народолюбец, Крылов не только подчёркивает в своих баснях бесправие и угнетение народа: он выражает и свою глубокую веру в народ, как основную, «питающую», движущую силу общества. Это самое задушевное, самое горячее убеждение является как бы лейтмотивом его басенного творчества. С особенной чёткостью отношение Крылова к народным «низам» выражено в его знаменитой басне «Листы и Корни».

Слыша похвальбу нарядных, купающихся в лучах солнца и нежном дыхании ветерка листов, которые считают, что именно благодаря им дерево «так пышно и кудряво, раскидисто и величаво» («что б было в нём без нас?»), невидные глазу, сокрытые глубоко под землей, корни, «смиренно» — а по мнению листов, «нагло и надменно» — напоминают и о себе: «Примолвить можно бы спасибо тут и нам». На возмущённый, негодующий лепет листов: «Вы кто такие там, что дерзко так считаться с нами стали?» — корни спокойно, но веско отвечают «снизу», из-под земли:

— «Мы те...
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаёте?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится;
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

Басня «Листы и Корни» была написана Крыловым в 1811 году, то есть непосредственно перед Отечественной войной 1812 года, ярко подтвердившей великую роль «корней» — народа — в истории государства. В 1812 году Крылов написал пять басен, и все они посвящены происходившей войне: ни о чём другом пламенный патриот Крылов писать в то время не мог. В баснях 1812 года особенно ощутимо проявляется органическая народность Крылова, его полное единство с народным сознанием, народным чувством, народной совестью. Все эти басни Крылова служат наглядным выражением *народной* точки зрения на войну, *народного* к ней отношения.

В своих баснях он призывал к единству народа, к забвению частных интересов перед лицом общей грозной опасности. Такова написанная им вскоре после вторжения Наполеона басня «Раздел». В написанной тогда же другой басне, знакомой каждому школьнику, — «Кот и Повар» — Крылов требовал энергичных действий против вторгшегося врага. В басне «Ворона и Курица» он клеймит предательскую расчётливость тех, кто не разделил общенародного патриотического порыва, кто пытался ужиться с

неприятелем и, как ворона, оставшаяся в захваченной Наполеоном Москве, «попался в суп».

Остальные две басни 1812 года — «Обоз» и «Волк на Псарне» — непосредственно связаны с личностью и ролью Кутузова. Александр I, как известно, назначил Кутузова главнокомандующим весьма неохотно, уступая единодушному требованию всей страны. Облечённый любовью и доверием народа и армии, Кутузов осуществлял глубоко продуманный стратегический план истощения и последующего истребления неприятеля вопреки ропоту ряда недоброжелателей. Кутузову приходилось всё время преодолевать оппозицию со стороны царя Александра. Победоносный исход войны полностью подтвердил правильность стратегии и тактики великого полководца; недаром орден Кутузова является теперь одной из высших воинских наград Советского Союза.

Крылов боролся за Кутузова в разгар войны 1812 года. Уже в басне «Ворона и Курица» он воздаёт высокую хвалу воинскому искусству Кутузова:

«Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил...»—

так начинается эта басня.

«Обоз» — это отповедь недоброжелателям Кутузова, суровое предостережение тем легкомысленно-пылким воякам, которые хотели опрометью, не разбирая путей, броситься на неприятеля, без нужды подвергая опасности армию и страну.

Наконец, в одной из самых знаменитых басен, «Волк на Псарне», написанной в связи с попытками почуявшего неизбежную гибель Наполеона заключить половинчатый «почётный мир», Крылов вкладывает в уста седого ловчего замечательную формулу, сохраняющую всю силу и в наши дни: «С волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой».

Меткой иронией проникнуты басни Крылова о 1812 годе. Но вместе с тем в них звучит твёрдо выраженное «мнение народное» — народное понятие о долге перед родиной, о возмездии хищнику. Вообще наряду с острым сарказмом и резкой сатиричностью басни Крылова представляют собой яркое выражение положительных народных идеалов. «Бессильному не смейся и слабого обидеть не моги!» — в этом повелительном требовании заключена суть народной гуманности. В образе пчелы, удовлетворенно сознающей, что она несет труды «для общей пользы», что в сотах есть капля и её меду, проявляется то «мирское начало», которое составляет одну из замечательных черт русского народного характера и с особенной силой даёт себя знать в критические моменты нашей истории.

Любовь к родине, верность, доброта, высокое уважение к труду, дарованию, деятельности на пользу народа, отсутствие внешней шумихи, скромность — вот та моральная атмосфера, которой мы дышим в мире басен Крылова. По справедливому отзыву академика Я. Грота, из басен Крылова глядит на нас образ «высокого мудреца, исполненного правил чести и добродетели, гонителя всякой лжи и низости, защитника науки и мысли против невежества и глупости». «Его притчи, — писал о Крылове Гоголь, — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа... В книге его всем есть уроки, всем степеням в государстве»

Отличительной чертой крыловских басен является замечательная трезвость ума, реалистичность. Недаром Крылов так иронически относится к «краснобаям», заимствующим свою учёность только из книг, занимающимся отвлечёнными умствованиями. Крылов учит других и сам непрестанно учится у природы, у действительности. Именно это сообщает его «урокам» такую наглядную силу и неотразимую убедительность.

Крылов полностью владел мировым басенным наследием, щедро черпая из сокровищницы мировой басенной традиции. Но в то же время он сумел придать интернациональному басенному жанру ярчайшее национальное своеобразие; даже на переводные свои басни он наложил неизгладимый русский отпечаток. «Как всё по русски — чудо!» — восторгался современник Пушкина, известный историк М. Погодин. «Звери у него мыслят и поступают слишком по-русски», — пишет о Крылове Гоголь. — «Кроме верного звериного сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медведь, волк, но даже сам горшок поворачивается как живой, они показали в себе ещё и русскую природу... всюду у него Русь и пахнет Русью».

В высказываниях Гоголя и Белинского метко вскрыта реалистическая природа басенных образов Крылова. Лиса, согласно басенной традиции, всегда знаменует собой хитрость, осёл — глупость, волк — алчность и т. д. Крылов сохраняет эти принятые значения, но взамен застывших условных масок рисует яркие жизненные образы, разработанные так детально, с такой меткой индивидуализацией и одновременно широтой художественного обобщения, что вместо аллегорического басенного маскарада перед читателем развёртываются живые, реалистически схваченные картины действительности. Басни же, в которых действуют люди, прямо носят характер небольших реалистических сценок. Крылов первый во всей мировой литературе сумел превратить басню в подлинно реалистический жанр.

Глубоко народный по всему своему духу, Крылов до предела народен и по своему художественному языку. Молодой Пушкин считал Крылова единственным писателем, «коего слог русский». И Крылов действительно пер-

вый в нашей литературе до Пушкина слил литературный язык с живой народной речью, насытил свои басни народными формами, крылатыми народными выражениями, пословицами и поговорками. При этом Крылов не только брал у народа, но и сам щедро давал ему. Множество выражений из крыловских басен, как известно, в свою очередь стало пословицами. Даже самые заглавия многих его басен, такие, как «Демьянова Уха», как «Тришкин Кафтан», многие персонажи, как «ворона в павлиньих перьях», как лягушка, позавидовавшая волу, «вошли в пословицу», получили широчайшее употребление и в нашей литературе, и в повседневной речи, и в выступлениях наших вождей — Ленина, Сталина.

Значение Крылова для нашей литературы не ограничивается только областью басни. Крылов оказал глубокое воздействие на развитие всей нашей литературы. От его басен тянутся прямые нити к таким величайшим созданиям нашего художественного реализма, как «Горе от ума» Грибоедова, как «Евгений Онегин» Пушкина, как «Мёртвые души» Гоголя.

**
*

Басни Крылова знакомы каждому грамотному человеку. И в то же время о Крылове мы знаем едва ли не меньше, чем о любом другом из наших писателей. Подлинная жизнь великого баснописца мало известна. Недостаточно разработана и история его творчества. Это тем более важно подчеркнуть, что в дореволюционном литературоведении наряду с высказываниями Пушкина, Гоголя, Белинского, раскрывающими подлинное лицо великого народного писателя, звучали порой прямо противоположные голоса. Так, небезызвестный критик Ю. Айхенвальд выдвинул «тезис» об «обывательской морали» крыловских басен. С ним солидаризировался редактор лучшего — в текстологическом отношении — дореволюционного издания басен Крылова, В. В. Каллаш.

Многие исследователи подчёркивали якобы «реакционность» басен Крылова, связанную будто бы с полным отказом его от вольнолюбивых взглядов молодости. Эта точка зрения, к сожалению, была воспринята некоторыми советскими исследователями, например, Б. И. Копланом («Краткие биографические сведения о Крылове» в однотомнике басен Крылова изд. 1931 года), и в особенности Г. А. Гуковским. В статье Гуковского, напечатанной при первом томе собрания сочинений Крылова в серии «Библиотека поэта» (1935 год), содержится глубоко ложное определение Крылова как ренегата и приспособленца, совершенно извращающее облик великого баснописца. Так же дико звучит концовка статьи о Крылове в «Литературной энциклопедии» (1931 год), где заявлено, что Крылов — «представитель

консервативного мещанства эпохи сословно-бюрократического строя» и «ни в коем случае не может быть привлечён как моралист и воспитатель в стены советской школы».

Показать народу облик Крылова во всём его богатстве, мощи и величии, отбросив все и всяческие лжетолкования личности и творчества гениального баснописца, — одна из первоочередных задач нашей литературной науки.

Радуясь прижизненному триумфу Крылова, Белинский пророчески писал: «Слава же Крылова всё будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского». В наши дни слава Крылова вышла далеко за пределы России. Его басни переведены почти на все языки, которыми говорит культурное человечество. И это вполне закономерно. У Крылова были великие предшественники в мировой басенной литературе. Но ни одному из них не удавалось внести в свои басни столько народности и реализма, сообщить им такую высокую художественную отделку, такое несравненное совершенство. Великий русский баснописец Крылов является в то же время величайшим баснописцем мира.

(«Большевик» № 21 1944 г.).

ИЗБРАННОЕ

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался,
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смеется Тришке всяк.
А Тришка говорит: «Так я же не дурак,
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют;
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.

Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:

И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:

— «Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»

— «Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей Муравей.

— «До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякой час,
Так, что голову вскружило».

— «А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела».
— «Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!».

ЛЖЕЦ

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилыгал.
«Нет», говорит: «что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо;
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!

И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».
— «Что за диковина!» приятель отвечал:
«На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами, вот, теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:
До половины не дойдет —
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».
— «А какова у вас река?»
— «Да не мелка.
Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?».
— «Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».
— «Поверить трудно!
Однако ж, как ни чудно,
А всё чудён и мост, по коем мы пойдем,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста, да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».
— «Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы,
Что там за домы:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!»
— «Пусть так, но всё признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,

В котором двум усесться можно.
Однако ж, мост-ат наш каков,
Что лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...»
«Послушай-ка», тут перервал мой Лжец:
«Чем на мост нам итти, поищем лучше броду».

ОРАКУЛ

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и сребром и златом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен,
И фимиамом задушен.
В Оракула все верят слепо;
Как-вдруг, — о чудо, о позор! —
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему зачем ни подойдет,
Оракул наш, что молвит, то соврет;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нем дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой, и сажывались в нем
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван-болваном.

Я слышал — правда ль? — будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

ОРЕЛ И КУРЫ

Желая светлым днем вполне налюбоваться,
Орел поднебесью летал
И там гулял,
Где молнии родятся.
Спустившись наконец из облачных вышин,
Царь-птица отдыхать садится на овин.
Хоть это для Орла насесток незавидный,
Но у Царей свои причуды есть:
Быть может, он хотел овину сделать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сесть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что Орел
Не много посидел,
И тут же на другой овин перелетел.
Увидя то, хохлатая наседка
Толкует так с своей кумой:
— «За что Орлы в чести такой?
Неужли за полет, голубушка соседка?
Ну, право, если захочу,
С овина на овин и я перелечу.
Не будем же вперед такие дуры,
Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас,
Что понизу они летают так, как куры».
Орел ответствует, наскуча вздором тем:
— «Ты права, только не совсем:
Орлам случается и ниже кур спускаться;
Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты, —
Считать их слабости, трудов не трать напрасно;
Но, чувствуя, что в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном,
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом;
Но как они уж понаелись —
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем —
Так рассуждать они пустилися вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О худе, о добре, и, наконец, о дружбе.
«Что может», говорит Полкан: «приятней быть
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спить без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить,

И в дружнем счастье все свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».
— «А что же? это дело!»
Барбос ответствует ему:
«Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с давних дней;
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно».
— «Явим же в ней пример мы в наши времена»,
Вскричал Полкан: «дай лапу!» — «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» — «Мой Пилад!» Прочь свары, зависть,
злость!
Тут повар на беду из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся;
Где делся и совет, и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся, —
Лишь только клочья вверх летят:
Насилу наконец их розлили водою.

Свет полон дружбою такою.
Про нынешних друзей льзя молвить, не греша,
Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать, кажется одна у них душа, —
А только кинь им кость, так что твои собаки!

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой.
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалося с полсотни.
Один-было уже Прохожий камень взял:
— «И, полно, братец!» тут другой ему сказал:
«Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слыхать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе дорогою ступай:
Полают, да отстанут.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк, ночью думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
— «Огня!» кричат: «огня!» — Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит, наконец,
Ему рассчесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры,
И начал так: «Друзья! к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я, не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед»,
Тут ловчий перервал в ответ:
«Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

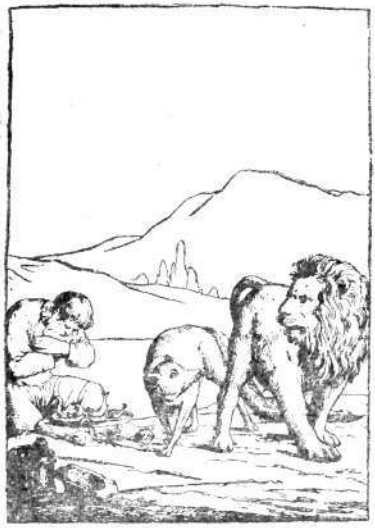
ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка», говорит: «кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А, ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть».
— «Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на-руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?»
— «В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Один как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!».
— «А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
— «Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался,
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкой свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» спросил сердито Лев.
«Всесильный царь!» сказал Мужик, оторопев,
«Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом».
— «Ну, как они живут? Богат ли здешний край?»
— «Великий государь! Здесь не житье им—рай.
Богам о том, мы только и молились.

Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились).
«Да отчего же», Лев спросил, «скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О, мудрый царь!» Мужик ответствовал! «оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит:
Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».
— «О плуты!» Слон кричит: «какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволенье?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил легонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять,
Да и того им жаль отдать».
— «Ну то-то ж», говорит им Слон: «Смотрите!
По шкурке, так и быть, возьмите:
А больше их не троньте волоском».

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай».
— «Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на-славу сварена!»
— «Я три тарелки съел».—«И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Так будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчивал сосед-Демьян соседа-Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой

И — очищает всю. «Вот друга я люблю!»
Вскричал Демьян: «зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать во время не умеешь,
И ближнего ушей ты не жалеешь:
Так ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что слоны в диковинку у нас—
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться»,
Ей шафка говорит: «тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед,
И лаю твоего совсем не примечает».
— «Эх, эх!» ей Моська отвечает:
«Вот то то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!».

339673
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ГУСИ

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали.
И, встретяся с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает,
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!»
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросил прохожий их.—Да наши предки...» «Знаю,
И все читал: но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
— «Да наши предки Рим спасли!»
— «Все так, да вы что сделали такое?»
— «Мы? Ничего!»—Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им по-делом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Басню эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздразнить.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным боченком,
Мурлыча и ворча, трудится над курченком.
«Ах, ты, обжора! ах, злодей!»
Тут Ваську Повар укоряет:
«Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убирает).
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут, —
А ты... ахти, какой позор!
Теперя все соседи скажут:
«Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!

И Ваську-де не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот-Васька все жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить попустому,
Где нужно власть употребить.

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под дубом вековым
Наелась жолудей до-сыта, до-отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с дубу ворон говорит:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
— «Пусть сохнет», говорит Свинья:
«Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жолуди: ведь я от них жирею».
— «Неблагодарная!» промолвил Дуб ей тут
«Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жолуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта, две скрипки
И сели на лужок под липки, —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой!» кричит Мартышка: «погодите!
Как музыке итти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альта,

Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдет.
— «Постойте ж, я сыскал секрет»,
Кричит Осел: «мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А всё-таки Квартет нейдет на лад.
Вот, пуще прежнего, пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось — Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье:
— «Пожалуй», говорят: «возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть!»
— «Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней».
Им отвечает Соловей:
«А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый, верный пёс
Барбос,
Который барскую усердно службу нёс,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиленья, чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну, что, Жужутка, как живешь,
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь, помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?»
— «На счастье грех роптать», Жужутка отвечает:
«Мой господин во мне души не чает;

Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
— Ты как живешь?» — «Я», отвечал Барбос,
Хвост плетью опустя и свой повеся нос:
«Живу попрежнему: терплю и холод,
И голод,
И, сберегаючи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж-тем, как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот прекрасно!»
С насмешкой отвечал Жужу:
«На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка-западня;
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль», говорит: «средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

ЛИСИЦА И СУРОК

— «Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?»
Лисицу спрашивал Сурок.
— «Ох, мой голубчик-куманёк!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала:
И я ж за то под гнев подпала,
А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько».
— «Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь;
Но как не согрешишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил:
Тогда все жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен Московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
— «А ты что ж, кумушка, в дорогу?»
Ей с возу Курица кричит:
«Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».
— «Мне что до этого за дело?»
Вещунья ей в ответ: «Я здесь останусь смело.
Вот, ваши сестры как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостьми не мудрено ужиться,
А, может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался как ворона в суп!

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище:
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защолкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал,
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом,
«Изрядно», говорит: «сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави, бог, и нас от этаких судей.

СИНИЦА

Синица на море пустилась;
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь,
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не давывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом в-свояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых не взлюбил овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было-бы неправосудно—
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пеструю овцу терпенья нет!
Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с лисою на совет—
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
Глазами целой день страдает,
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный лев!»—сказал, насупяся, медведь:—
«На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. — Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что лев нахмурил брови,
Смиренно говорит:—«О царь! наш добрый царь!
Ты верно запретишь гнать эту бедну тварь —

И не прольешь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести —
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток,
И где бы поскакать, побегать для ягняток;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне».
Лисицы мненье в совете силу взяло, —
И так удачно в ход пошло, что, наконец,
Не только пестрых там овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки? —
Что лев бы и хорош, да всё злодеи волки.

МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

В овечьи старосты у Льва просился Волк.
Стараньем кумушки Лисицы,
Словцо о нем замолвлено у Львицы.
Но так как о Волках худой на свете толк,
И не сказали бы, что смотрит Лев на лицы,
То велено звериный весь народ
Созвать на общий сход,
И расспросить того, другого,
Что в Волке доброго он знает, иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин-чином собраны:
Но против Волка нет ни слова,
И Волка велено в овчарню посадить.
Да что же Овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были? —
Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду:
Кто виноват из них, кто прав,—судить не нам;
Да только воз и ныне там.

ЗАЯЦ НА ЛОВЛЕ

Большой собравшися гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили—
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.
А заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба, ты, косой»,
Кричат ему: «пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал».
— «Вот, братцы!» Заяц отвечал:
«Да из лесу-то кто ж,—всё я его пугал,
И к вам поставил прямо в поле
Сердечного дружка?»
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
В сору, в навозе извалялась;
В помоях по-уши до-сыта накупалась:
И из гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого?»
Свинью спросил пастух:
«Ведь идет слух,
Что все у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме, так одно богатее другого?»
Хавронья хрюкает: — «Ну, право, порют вздор.
Я не приметила богатства никакого:
Все только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и поздней зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаетесь с нами».
— «Примолвить можно бы спасибо тут и нам»,
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
— «Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?»
Листы, по дереву шумя, заленетали.
— «Мы те»,
Им снизу отвечали:
«Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаёте?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится;
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

РАЗДЕЛ

Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе, когда без спору?
Заводят шум они за деньги, за товар, —
Как-вдруг кричат, что в доме их пожар.
«Скорей, скорей спасайте
Товары вы и дом!»
Кричит один из них: «ступайте:
А счеты после мы сведем!»
— «Мне только тысячу мою сперва додайте»,
Шумит другой:
«Я с места не сойду долой».
— «Мне две не додано, а вот тут счеты ясны»,
Еще один кричит.—«Нет, нет, мы не согласны!
Да как, за что, и почему!»
Забывши, что пожар в дому,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму,
И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая:
А лошадь сверху молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять:
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору,
Или в ночную пору;
А то и под-гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под-гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась:
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На-славу;
По камням, рытвинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам:
А примешься за-дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья
От разоренья,
Что речки им и ручейки
При водополье причиняли,
Пошли просить себе управы у Реки,
В которую ручьи и речки те впадали.
И было что на них донесть!
Где озими разрыты;
Где мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та Река течет так смирно, хоть и пышно;
На ней стоят большие города,
И никогда
За ней таких проказ не слышно:
Так верно, их она уймет,
Между собой Крестьяне рассуждали.
Но что ж? как подходить к Реке поближе стали,
И посмотрели, так узнали,
Что половину их добра по ней несет.
Тут, попусту не заводя хлопот,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потом взглянулись меж собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой.
А отходя проговорили:
«На что и время тратить нам!
На младших не найдешь себе управы там,
Где делятся они со старшим пополам».

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что, наконец,
Правительство зверей благие меры взяло,
Вступиться в спасенье Овец, —
И учрежден Совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких волков, и многократ:
Примеры эти не забыты, —
Которые ходили близко стад
Смирнёхонько—когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот, заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И, наконец, придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит,
И обижать он Овцу станет:
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить
В соседний лес иль бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор —
Хоть говорят: Волкам и не спускают —
Что будь Овца ответчик иль истец:
А только Волки всё-таки Овец
В леса таскают.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Д. БЛАГОЙ. Великий русский баснописец (К столетию со дня смерти И. А. Крылова)	5
ИЗБРАННОЕ *)	
Тришкин кафтан	21
Стрекоза и муравей	22
Лжец	23
Оракул	25
Орел и куры	26
Собачья дружба	27
Прохожие и собаки	29
Волк на псарне	30
Зеркало и обезьяна	31
Любопытный	32
Рыбья пляска	33
Слон на воеводстве	34
Демьянова уха	35
Петух и жемчужное зерно	36
Слон и моська	37
Гуси	38
Кот и повар	39
Свинья под дубом	40
Квартет	41
Две собаки	43
Чиж и голубь	44
Лисица и сурок	45
Ворона и курица	46
Осел и соловей	47
Синица	48
Пестрые овцы	49
Мирская сходка	51
Лебедь, щука и рак	52
Заяц на ловле	53
Свинья	54
Листы и корни	55
Раздел	56
Обоз	57
Крестьяне и река	58
Волки и овцы	59

*) Все басни перепечатаны из сборника «Крылов. Полное собрание стихотворений т. I» («Советский писатель» 1935 г.).

5 руб.